

ТУМАНЫ НАД ОЛЬМАНСКИМИ БОЛОТАМИ

СБОРНИЧЕК ВЕРБАЛЬНО-ПЕСЕННООРАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

Авторка

Ольманские болота (aka котёночность aka Рыба-пила) – беларусская фигнесочинительница, рождённая в 1996 году в Минске под псевдонимом Зеневич Ольга Игоревна.

Творя творчество, я пытаюсь убедиться, что существую. Отражаясь, как солнечный зайчик, от других людей, я надеюсь стать найденным среди луговых трав подорожником, приложенным к чьей-то усталой внутренней самости и лиминальным пространством, о котором больше никто не знает.

И, если получится, это будет означать, что жизнь моя, в течение которой я поглощала ограниченные ресурсы нашей планеты, прошла совсем не зря.

«Вы спіце? Спіце ж вечна пад палотнамі
Туманаў над Альманскімі балотамі»

СТРАННЫЕ РАССКАЗЫ

Легенда о зеркалах и рыбах

Хочу начать своё повествование с простой песенки:

Рыбёшки треплют личность по щекам,
Туда добавив
Марианских впадин,
С тобой разделим ровно пополам
Первичный суп
И в нём ползущих гадин.
Стеклянной крышкой дома у меня
Земля свежо-горячая накрыта –
Съедим за сладким чаем по куску
Её взамен прокисшего бисквита.
На мокром чернозёме оттиск ног
Останется в заклеенной коробке,
Что воля, что неволя — всё равно,
В коре ль земной
Листком ли в жёлтой стопке

Сегодня часов в одиннадцать утра задумчивый океанский пассат бросил семена воспоминаний в мою обветренную голову, и теперь я не могу противостоять зудящему желанию рассказать вам эту историю, которой я сама была свидетелем:

Раньше, когда даже вершину Джомолунгмы покрывал глубокий, великий и могучий Мировой Океан, а всех его обитателей окутывал абсолютный покой, все люди были большими, прекрасными, добрыми рыбами с чешуёй, прозрачной, как слеза чистосердечного раскаяния.

О, свободные, честные рыбы! Как ловко вы скользили когда-то сквозь солнечные лучи, что, шипя, растворяются в солёной воде, ощущая себя единым целым с океаном!

Вы не знали ни нужды, ни голода, ни необходимости заполнить внутренний мир, включая желудок, частицами мира внешнего.

И всё вокруг было видно насквозь через прозрачную рыбью чешую, как и можно было наблюдать всё, что творилось внутри самих рыб: спокойное течение мыслей, их желания, душевные состояния и даже двухкамерное сердце и единственный круг кровообращения.

Но однажды из большой, переливающейся перламутровым свечением икринки родилась особенная рыба. И была она исполнена столь трепетной любви к океану и всему, что в нём обитало, что однажды в её голове закралась мысль: "Если мир вокруг так бесконечно прекрасен, — подумала она, скользя сквозь буйство красок коралловых рифов, — то почему бы не подарить всем еще один такой же мир?"

Она замерла и крикнула в толщу воды: "О, Великий Океан! Дай мне стать чистейшим, гладким зеркалом, чтобы умножить твоё очарование!" И внял океан её просьбе, и хрустальное тело её превратилось в блестящее, полированное серебро.

И искренняя в своей экзальтации рыба на перьях плавников понесла свою радость, чтобы разделить её с другими водными обитателями.

Когда к ней подплыли другие рыбы, их лица окрасились ошеломлением. Красоты вокруг действительно стало двукратно больше: в два раза больше морских лесов, перламутровых раковин, песчаных залов и дюн...

Но кто же мог предположить, какие беды и несчастья обрушит на свет этот бескорыстный поступок, полный чистоты намерений?

Вот и несведущие, очарованные незнакомым ранее блеском рыбы подплывали всё ближе и ближе, пока не увидели в зеркальном отражении… самих себя. И не осознали вдруг себя отдельно от остальных, превратившись в таких же зеркальных рыб, которых становилось всё больше и больше при каждом взгляде на проплывающих рядом.

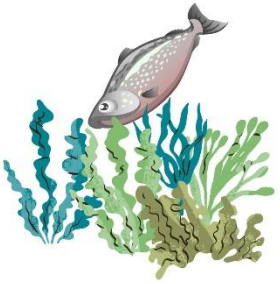
Раздался гром, сильнее которого не бывало на свете и по сей день. Это треснул океан. Сначала он раскололся на две части, которые разделил огромный кусок суши, а потом появилось ещё больше и больше кусочков, образовавших моря, заливы, озёра…

А рыбы почувствовали под собой незыблемую твердь и сменили привычные хвосты на ноги — чтобы вечно блуждать по земле в подсознательном желании собрать разлетевшиеся врассыпную осколки и соединить их снова в одно целое. И сейчас, если присмотреться, превратившиеся в людей, они всё время что-то ищут, засовывая внешний мир внутрь самих себя, или же пытаются всяческими способами сохранить его в своих

жилищах. Однако все усилия почувствовать настоящую наполненность и сопричастие к чему-то большому, прекрасному и доброму только на время дают им облегчение.

К сожалению, наш мир всё ещё трескается, ведь, по сообщениям современных учёных, в океанах наблюдается сейсмическая и тектоническая активность. Да и, судя по сообщениям ООН, люди всё так же отражаются в зеркалах — утверждается, что к 2050 году на планете будет 12 миллиардов человек.

Но, может быть, однажды они смогут найти все расколотые частицы и соберутся вместе, чтобы соединить снова мир в его неразрывной гармонии?

Огурцово-тигровый симбиоз

Однажды я решила посадить в комнате цветок. Принесла для него земли, потом ещё немного, весь пол землёй засыпала. В земле стала копать ямы и сажать в них огурцы. Огурцы выросли высокие и густые, в них стало можно прятаться от палящих лучей свисающих с потолка лампочек. Потом я принесла ещё немного камней, выложила из них круг и стала разводить костёр. Костёр получился очень жарким, таким жарким, что на него сбежались со всей округи тигры и сели рядышком, чтобы погреться. Так я и перестала выходить в магазин за продуктами.

Рассказ человека, у которого СДВГ

Декабрьский декабрь распластался над дымами, округлыми, словно шляпки двуспоровых шампиньонов, которым ещё многое предстояло пережить, но пока мирно покоившимся в своей незамысловатой колыбели землистого цвета. Агрогородок N. накрывала своим покрывалом с прожилками, блестящими, словно вставки произведённого в Бангладеш неизвестным трудягой сатина, зима, в результате чего город выглядел ещё более аграрным и зимним. Вчера она приняла взвешенное и зрелое решение замотать шарфами широкие смеющиеся человеческие рты.

Местные мыслезахоронения лежали на нетронутых солнечными зайчатками улицах, наполненных головами проходящих мимо людей, затерявшихся в переплетениях путей нейронных импульсов, бегущих, будто испуганная газель наперерез гордому леопарду.

Река, лишь только начавшая покрываться тонкой коркой хрустящего льда, стала ещё прочнее хранить в своих недрах захватывающие истории её обитателей, а также обитателей прилегающих территорий. В них был и розовый лосось, серьёзно проплывающий по известным только ему делам, но случайно запутавшийся в зелёной сетке водорослей, чем и вызвал смех произрастающих рядом камышей.

И весёлая ласточка, чья песня, звенящая, словно сдача, полученная от продавщицы сельскохозяйственного магазина, распространялась на всю территорию, принадлежавшую заводу по производству органических удобрений.
Но особенным местом в ячейках глубинных недр её памяти и пучин временных отпечатков была история юной девушки по имени Галина, которая каждый день приходила к речке, чтобы набрать воды в свою деревянную потёртую миску...

А продолжения не будет.

Креветки, мидии, рапаны, вечное счастье, долгая жизнь

Мой дом полон чужих вещей,
А голова — мыслей,
В отражении в луже
Я вижу, как прошли сорок лет, а в них нет ничего.
А рыбки всё плещутся, и фрукты падают в руки,
Только фрукты гнилые да горькие, а вместо рыбок — зелёная, скользкая тина
Дырявыми руками обнимает мне ноги.
Я посажу маковое зёрнышко под слой дёрна величиной в планету,
И это будет большее, что я сделала за свою жизнь.
И солнце запретило мне приближаться к людям, сказав, что если я его послушаю, то оно дарует мне вечное счастье. Но я не приняла его слов, и теперь мой мир освещает только тусклая полночная луна

НОРМАЛЬНЫЕ СТИХИ

Торфяное озеро

Я выйду в магазин за чёрным хлебом и консервами,
А там на улицах уже давно, наверное,
И липы, и каштаны расцвели.
На кассе принимаются взамен платёжной карточки
Монеты, что блестят в подножии прилавочном —
На всю планету свежий хлебный тмин.
Наверх — второй этаж, решётка рдеет-закаляется,
Бельё с балкона обречённо трепыхается,
За шкафом неразменные рубли.
И разноцветной пудрой камешки внизу толчёные,
Дождями их следы неизведённые,
Хоть два десятка лет уже прошли.
Мой дом стоит на торфянистом дне густого озера,
А где в его фундамент кости бросили —
Теперь растёт душистая сирень.
Любила раньше отражаться на проспекте, как на плёнке я,
Теперь же мне асфальт крошится в бронхи,
Когда ногой ступаю в солнцетень